

Науменко Н.П.

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ БРАТЬЕВ ГОНКУРОВ

Определяя творческий метод братьев Жюль и Эдмона Гонкуров, различные критики и исследователи называют их реалистами, натуралистами, импрессионистами, аналитиками, физиологами – хотя ни один из этих терминов не определяет их литературный метод [1, 2, 3, 4, 5, 6]. Эти романисты имели свое особое лицо.

Братья Гонкуры были "поэтами и физиологами одновременно" [7, с. 614], натуралистами по своей наклонности к анализу и точному воспроизведению действительности, романтиками по своему пристрастию к исключительным явлениям и характерам. Этих авторов трудно отнести к какой-то определенной школе. Гонкуры "яркой своеобразностью таланта отличаются от всех современных писателей" [4, с. 368].

В литературной критике известно, что в своих произведениях авторы в качестве основной причины духовной и физической гибели героев всегда выдвигают физиологический момент. Сближая методы науки с методами искусства, братья Гонкуры интересовались преимущественно патологическими случаями. При этом, как справедливо отмечает М.Н.Черневич, себя они рассматривают "как своего рода врачей, анатомирующих душу своих пациентов" [1, с. 361].

Братья Гонкуры, мучимые постоянными физическими недугами, Жюль – невыносимой мигренью, Эдмон – желудочными болями, называли себя "каторжниками литературы". По мнению Гонкуров, здоровье несовместимо с талантом. Любое заболевание обостряет чувствительность и, следовательно, художественное познание мира. Свой талант писатели определяют как сочетание бешеного сердца и печени.

Художник должен жить ощущением, и тот, кто хочет обосновать искусство теорией и рационализировать творчество, к нему неспособен [2, с. 225]. Гонкуры противопоставляли свою чувствительность и нервозность рационализму и здоровью других, имея в виду тонкость ощущений. Постоянное стремление к научной точности в мельчайших деталях соединилось у братьев Гонкуров с болезненно развитой впечатлительностью нервов и чувств. "Другие книги написаны пером и кистью, воображением и мозгом авторов, мы же с братом, – говорит Эдмон, – писали всеми нервами, всеми фибрами нашего существа... Мы первые положили начало нервному творчеству, у нас оно вымучено, как кровавый пот, выступающий на теле страдальца" [7, 365]. И это не просто слова, фигуральные выражения. Душою и телом преданные литературе, Э. И Ж.Гонкуры используют для нее и свою собственную жизнь, свои болезни, подвергая себя анализу и наяву, и во сне. Чувствуя приближение смерти, Жюль с усиленной страстью предается работе; энергия писателя до конца преодолевает в нем слабость человека, поддерживает силы и мысли до конца жизни. Он не перестает бороться с болезнью, которая постепенно поражает его мозг, Эдмон в деталях описывал каждый новый фазис заболевания, хотя понимал, что некоторые подробности должны были бы остаться достоянием близких. Эдмон Гонкур считал "полезным для истории литературы точное исследование не только жизни писателя, но и его агонии, его постепенного умирания" [4, с. 23]. Он подавлял в себе всякую чувствительность. Слова, разрывающие его сердце, открывали ужасные моменты недуга Жюля, разлагающие в нем все духовное и физическое: в словах, "похожих на крики, находила облегчение мучительная физическая боль" [7, с. 636]. Ради этого "вымученного искусства", которое стало смыслом их жизни, братья Гонкуры сосредотачивали все свои помыслы.

Писатель, ищущий страдания, – излюбленный тип Гонкуров. Эдмон Гонкур с интересом наблюдает тоску и отчаяние Золя. Писатель Рони огорчался тем, что совершенно здоров, так как здоровый человек не может быть талантливым. В действительности он был болен многими нервными болезнями, и Эдмон этим объясняет его литературный талант.

Бельгийский писатель Жорж Роденбах называл Гонкуров "братьями в нашей общей матери Нервозности, мадонне нашего века" [2, с. 229].

Основой своего мировоззрения и творчества Гонкуры приняли то, что называлось пантеизмом и натурализмом. Натурализм зародился во Франции. Огромную роль в его формировании сыграли успехи естественных наук, прежде всего физиологии, противопоставившей эксперимент ненаучным методам познания. Его философской основой был позитивизм О.Конта, а эстетической – теории Ипполита Тэна. В основе литературоведческой концепции Тэна также лежит философия позитивизма, в частности, принцип научного эксперимента и изучение факта, отождествление психологии с физиологией, а среды – не столько с "обществом", сколько с "природой". И.Тэн сформулировал теорию "трех факторов" – расы, среды, момента. Гонкуры, выбирая натурализм, связывали его с собственным пониманием жизни и искусства, небудучи во всем согласны с теорией Тэна. Им казалось неправильным желание Тэна объяснить всю историю искусства теорией расы, среды, момента, поскольку кроме этих понятий, по их мнению, следует принимать во внимание понятие личности. Но это была борьба не с натурализмом, а с идеей исторической изменчивости. Братья Гонкуры считали, что человек, и особенно художник, со своими особыми качествами восприятия, тонкостью ощущений и невротами во все времена один и тот же.

В основу романов братьев Гонкуров положены подлинные истории: в "Рене Мопрен" прототипом героини является подруга детства писателей, в "Госпоже Жервезе" – одна из их теток, в "Жермини Ласерте" – старая служанка семьи Гонкуров – Роза. Гонкуры используют тщательные записи из дневников, собирают документацию. Они профессионально изображают хорошо известную им среду художников, писателей, в тоже время, стремятся к точному описанию "низших классов"- история Жермини Ласерте.

Появление этого романа вызвало неслыханный скандал, книга шокировала публику своей "натураль-

ностью".

Все гонкуровские герои нервны, впечатлительны, легко ранимы. У некоторых из них эти черты соединяются с большим творческим дарованием (писатель Шарль Демайи, художник Кориолис, актриса Фостен). Гонкуры проявляли в своих произведениях особый интерес к среде писателей, художников, помня необычайную тонкость ощущений, свойственную творческим личностям.

Как отмечалось выше, согласно мнению Гонкуров, истинный талант немислим без "невроза". Но даже заурядный человек становится выше своей среды, если он восприимчив к воздействиям окружающего мира (сестра Филомена, служанка Жермини). Почти во всех романах братьев Гонкуров герой, обладающий утонченной душевной организацией, обрекается авторами на гибель и духовное оскудение: он не в состоянии противостоять грубости и низменности своего окружения. Шарль Демайи, затравленный нечистоплотной журналистской братией, заканчивает свою жизнь в доме умалишенных. Кориолис, которого засасывает мещанское болото, куда он попадает после женитьбы на натурщице Манетте Саломон, деградирует и становится ничтожным живописцем-ремесленником.

В трагической судьбе этих героев пагубную роль играют любимые женщины: обе они оказываются мелкими и корыстными. Ж. и Э. Гонкуры всегда считали, что любовь, брак, семья несовместимы с творческой деятельностью, требующей полной самоотдачи. Писатель, художник должен, по их мнению, быть свободным от всяких связей, подчиняющих его жизнь другим интересам, кроме "чистого искусства".

Лучшие романы братьев Гонкуров – "Жермини Ласерте" и "Госпожа Жервезе" – представляют разрабатанные в мельчайших подробностях картины гибели персонажей. Романисты задаются целью показать, как под действием самых разнообразных факторов слагается судьба действующих лиц. Деревенская девушка Жермини, попадая в Париж, переходит с места на место, встречается с разнообразными людьми и становится жертвой пороков. Другая героиня, несчастная в замужестве Жервезе, посвятившая себя искусству и философии, становится безвольной игрушкой религиозных изуверов. При подготовке романа "Госпожа Жервезе" Гонкуры широко использовали тезис из книги французского психиатра Моро "Психология убийства" (1859): "Гениальность – это нервная болезнь". Диссертацию Робена "Медико-литературная клиника" они изучали, чтобы обосновать душевное состояние героини Жервезе, больной туберкулезом легких [7, с. 540, 587]. Анализ истерии в романе "Жермини Ласерте" опирается во многом на данные специального труда Брешэ "Трактат об истерии" [8, с. 587].

Умение Гонкуров проследить эволюцию характеров персонажей в зависимости от среды, установить связь системы поведения человека с получаемыми извне впечатлениями представляет сильную сторону творческого метода романистов. Гонкуры устанавливают причинные закономерности, управляющие действиями героев. В установлении причинных закономерностей Гонкуры остаются целиком в области представлений, выработанных позитивизмом. При этом следует отметить, что на первый план писатели выносят именно физиологические факторы, их рассказ о человеческой судьбе почти всегда превращается в описание патологического случая, в "историю болезни".

Для Гонкуров история гибели служанки или светской дамы представляет, прежде всего, любопытный патологический казус. В предисловии к "Жермини Ласерте" авторы называют свою книгу "клиническим исследованием любви". Как отметил Золя читатель "получает настоящий урок душевной и физической анатомии. Авторы бросают на каменный стол хирургического амфитеатра женщину – "... служанку; они терпеливо ее препарируют, показывают каждый мускул, заставляют вибрировать нервы, ищут причины, рассказывают о результатах, и этого достаточно, чтобы перед нами открылась целая область человеческой жизни, полная страдания" [5, с. 539].

Гонкуры в своих произведениях словно бы предлагают целые страницы исследований, протоколов, наблюдений над человеком, высшим, по их мнению, творением Природы.

Братья Гонкуры впускают в свои романы странности и неожиданности, редкие случаи в психологии своих персонажей и в событиях действительности. Они любят чрезмерность, в чем бы она ни заключалась – в таланте, пошлости или болезни. Для искусства нужна не только, правда, но и преувеличение, – пишут они в "Манетт Саломон" [2, с. 238]. В каждом их романе можно найти это преувеличение – в "Мадам Жервезе", умирающей в религиозном экстазе, в "Шарле Демайи", умирающем от неудачного брака, в "Шери", умирающей от невозможности выйти замуж, в "Жермини Ласерте", умирающей от невозможности любить. Может быть, наиболее откровенная чрезмерность допущена в романе "Актриса Фостен", где, влюбленный в очаровательную молодую женщину, тоскует по английским домам разварта, а его друг является отвратительным садистом. И венчает эту чрезмерность "сардоническая агония" мужа Фостен, в изучение которой она погружается. Умирающий муж превращается для нее в объект наблюдения.

Гонкуры "упорно продолжают описывать человека, только человека, не давая ему никакого иного окружения, кроме подлинной его среды, то есть природы, созданной его руками, его вкусом, его пороками..." [7, с. 305]. Они интересуются больше всего столкновением человека со средой, и в этом столкновении слабой стороной оказывается личность, которая погибает.

В этой пессимистической статике они видели цель познания и цель искусства, что делало их произведения совершенно отличными от реализма Бальзака, которого они считали "слишком здоровым," поскольку он не любил истерии. В своих "Дневниках" Жюль Гонкур вспоминает, что когда они заканчивали писать роман "Жермини Ласерте", он увидел во сне Бальзака и рассказал ему о романе. Но когда речь зашла об истерии Жермини, Бальзак возмутился [7, с. 474].

Не понимали Гонкуры и античных художников, которые не страдали нервными расстройствами и

изображали здоровых людей, живших ограниченной жизнью тела, не знавших ни меланхолии, ни экстазов. А современный художник, – считают они, – находится во власти неврозов и поэтому такова изображаемая им натура. "Гомер описывает страдания только физические. А от этого до описания страданий душевных – бесконечно далеко" – отвечает Эдмон Гонкур почитателю греческой культуры Сен-Виктору [7, с. 417]. Для Гонкуров представляли интерес и любопытство книги, где содержится "анализ Неуголимости – болезни, которою в наше время страдает разум" [7, с. 181].

"Я замечаю, – записал Эдмон в "Дневнике", – что литература, постоянные наблюдения не только приглушили в нас чувствительность, а напротив, словно бы еще усилили, развили ее, углубили и обострили. Это ни на минуту не прекращающееся исследование себя самого, каждого движения души, это постоянное, ежедневное анатомирование своего Я позволяет обнаружить в себе сокровеннейшие струны, учит играть на самых тонких из них. Мы открываем в себе тысячи различных способов страдать, тысячи источников страданий. Самоисследование, вместо того чтобы закалить нас, вместо того чтобы сделать нас черствыми, напротив, развивает в нас невероятную чувствительность души и тела – с нас словно содрана кожа, мы бесконечно ранимы,язьки, беззащитны, мы содрагаемся и кровоточим при малейшем прикосновении жизни. Сердце у нас источено анализом" [7, с. 365].

Отличительной чертой братьев Гонкуров было новое ощущение натуры. Они чувствовали иначе, видели мир иначе, чем другие, поэтому не всегда находили понимание у читателя. Золя отметил, что для своих учеников и поклонников их таланта "господа Гонкуры остаются примером высокой артистичности, одним из тех мозговых феноменов, какие, с точки зрения патологии, восхищают великих медиков. Гонкуры – исключительные личности, писатели, стоящие особняком, их произведения будут звучать в истории нашей литературы резкой нотой, выражающей крайности искусства нашей эпохи" [5, с. 545].

Данный аспект творчества рассматриваемых авторов вызывает спорные мнения у критиков и исследователей и потому заслуживает дальнейшего рассмотрения.

Литература

1. М. Н. Черневич, А.Л. Штейн, М.Я. Яхонтова. История французской литературы. – М: "Просвещение", 1965. – 639 с.
2. Реизов Б. Г. Французский роман XIX века. – М.: "Высшая школа", 1969. 309 с.
3. Французский реалистический роман XIX века. Сборник статей под ред. В.А. Десницкого. – М., Л., 1932, - 238 с.
4. Жорж Пеллисье. Литературное движение в XIX столетии. – М., 1985. – 405 с.
5. Эмиль Золя. Романисты-натуралисты. – Собр.соч. т. 25., М.: Изд-во "Худ. лит-ра", 1966. – 765 с.
6. Лансон Г. История французской литературы. – с-Пб., 1897. – 246 с.
7. Э. И Ж. Гонкур. Дневник: Записки литературной жизни. – М.: Изд-в "Худ. лит-ра ", 1964. – в 2 томах: I – 710 с. II – 749 с.
8. Эдмон де Гонкур, Жюль де Гонкур. Жермини Ласерте. Актриса Фостен. Отрывки из "Дневника". – М.: "Правда", 1990. – 590 с.
9. Edmon et Jules de Goncourt. Germinie Lacerteux. Edmon de Goncourt. Les frères Zemganno. – Moscou: Editions du Progrès, 1980. – 367 p.